

ГАРМОНИЯ. СИММЕТРИЯ. МИР ЧЕЛОВЕКА

В. А. Копцик*

Нравственный подвиг Альберта Швейцера

Альберт Швейцер. Один из титанов двадцатого века. Человек, проживший долгую подвижническую жизнь в полной гармонии со своей совестью, своими убеждениями и делом всей своей жизни. Мыслитель, искавший пути рационалистического обоснования этических норм и выразивший их в принципе «благоговения перед жизнью», долженствующим стать, по мысли Швейцера, непререкаемой основой жизнедеятельности человечества.

В задачу настоящей заметки входит сопоставление швейцеровского подхода [1] с подходами современного «естественнонаучного рационализма» [2] к преодолению глобального кризиса материальной и духовной культуры, к которому вплотную приблизилось человечество. В связи с этим попутно выясняется роль принципов симметрии, связанных с «законами сохранения», действующими в гуманитарной сфере.

Начнём, следуя А. А. Гусейнову, — составителю и комментатору книги [1], — с краткого напоминания некоторых моментов философской концепции Швейцера, необходимых для нашего анализа. В дальнейшем в этом разделе мы будем ссылаться на страницы указанного издания [1].

Альберт Швейцер понимал мышление как руководство к жизни и был убеждён, что человеческая жизнь может быть осмысленной, разумно устроенной. Безумию и сложности века он противопоставил ясность и простоту этически осмысленного существования и полагал, что только элементарная нравственность задаёт вектор (направление развития — *В.К.*), противоречащий хаосу бытия (с. 522). Так возникает идеал преобразования действительности на этических началах (с. 532).

Обосновывая свой принцип, А. Швейцер писал (с. 226): «Всех людей независимо от их положения этика благоговения перед жизнью побуждает проявлять интерес ко всем людям и их судьбам и отдавать свою человеческую теплоту тем, кто в ней нуждается. Она не разрешает учёному жить только своей наукой... художнику она не разрешает жить только своим искусством, даже если оно творит добро людям». Следуя этому принципу, человек сводит к минимуму вред, связанный с его существованием и деятельностью (с. 542). В благоговении перед любой другой волей к жизни «и состоит основной принцип нравственности» (стр. 535).

Швейцер соединил в опыте своей жизни вещи, считавшиеся несоединимыми: самоутверждение и самоотречение, индивидуальное благо и нравственные обязанности. Он полагал, что кризис культуры в конечном счёте обусловлен кризисом мировоззрения (с. 531). Мировоззрение только тогда становится культуросотворяющей силой, когда оно соединено с этикой (с. 533). «...в современном мире нет более важной, витально значимой задачи, чем соединение цивилизации с моралью, культуры с этикой» (с. 229).

«Истинно этическое», по Швейцеру, «есть истинно разумное» (с. 229). «Люди и народы должны научиться мыслить по-новому» (с. 487), и их гуманизм должен охватывать не только человеческие взаимоотношения, но и отношения Человека с Природой (с. 535). Этика Швейцера оставляла за человеком личную самостоятельность, независимость и индивидуальную ответственность за выбор своего поведения (с. 538), направленного на сохранение жизни (добро) или на её уничтожение (зло). Швейцер верил, что, в конечном счёте, выбор человечества будет разумным, и оставался оптимистом. В указанных положениях и заключаются основы швейцеровского этического рационализма.

* Работа выполнена при частичной поддержке РФФИ, грант №99-06-80300.

«Современный рационализм» Никиты Моисеева

Читатель, возможно, удивится, что две работы [1, 2], разделённые промежутком времени в 70 лет и написанные с разных позиций — христианского и естественнонаучного рационализма, в конечных выводах оказываются столь близкими между собой. В этом убеждает сопоставление сказанного в предыдущем разделе с приводимыми ниже цитатами из книги Н. Н. Моисеева.

Никита Моисеев начинает свою книгу с декларации равноправия двух исходных подходов к исследуемой проблеме: «Утверждение о том, что Бог создал Мир за 6 дней, ничуть не менее основательно, чем любые космогонические гипотезы, вроде гипотезы о начальном взрыве... Я принимаю гипотезу о начальном взрыве просто в силу своего воспитания» (с. 20), поскольку ни доказать, ни опровергнуть гипотезу о существовании Бога нельзя (с. 21). «В основе рационалистического миропонимания лежит ВЕРА в то, что наши эмпирические обобщения нас не обманывают» (с. 22).

И далее, после характеристики выбранных им методов исследования (математического моделирования поведения сверхсложных открытых динамических систем, теории информации (кибернетика), самоорганизации природных стохастических процессов (синергетика), дарвиновского подхода к эволюции и т. д.) он широкими мазками рисует картину эволюции жизни на Земле, начиная от появления биосферы и до наших дней, в которой длительные и относительно спокойные периоды сменялись революционными взрывами (бифуркациями), приводящими к качественным изменениям картины эволюции.

Первая бифуркация привела к земному («живое от неживого») возникновению биосферы (с. 85, 187); вторая — к появлению Разума, придавшего системе (Биосфера + Человек) черты единого организма (с. 152–159); третья (неолитическая революция) — к качественному изменению характера общественного развития и зарождению техногенной цивилизации (появлению земледелия и скотоводства).

В период палеолитической революции произошло возникновение нравственности — и это был «может быть даже и больше, чем просто перелом в истории антропогенеза: оно подобно возникновению жизни, подобно появлению Разума. Сознательное, т. е. утвердившееся в общественном сознании, принятие принципов нравственности как некоторого императива, как необходимых границ поведения членов человеческого общества изменило весь ход эволюционного процесса на нашей планете» (с. 294).

«Направленность мирового эволюционного процесса порождается сочетанием стохастичности с механизмами бифуркации. Её следствия — необратимость эволюции, направленность времени и тенденция к усложнению органических форм существования материи и росту их разнообразия» (с. 130). «Эволюция характеризуется возникновением стабильных (на определённом отрезке времени. — В. К.), квазистационарных, но существенно термодинамически неравновесных структур» (с. 141).

Возникновению нравственности в книге Моисеева посвящена особая глава (с. 167–183). Здесь он отмечает, что морфологическое совершенствование человека к началу последней межледниковой эпохи практически прекратилось. Место этого механизма заняла система запретов (табу), то, что мы позднее назовём нравственностью. Важнейший запрет «не убий!» лежит в основе любой морали и существует в том или ином виде у всех народов, во всех религиях. Он обеспечил сохранение более слабых, но более умных и привёл к созданию совершенно новой формы памяти — системы УЧИТЕЛЬ, ненаследственной передачи информации по каналам общественных институтов, естественного языка и культуры. Развитие человечества с этого момента стало идти не столько в индивидуальной, сколько в общественной сфере.

Следующая глава «На пути к коллективному интеллекту» (с. 184–201) посвящена проблемам становления этого феномена и его воздействию на развитие человеческого общества. «Ноосферой — сферой Разума — Моисеев называет то состояние биосферы, когда Разум окажется (если окажется) в состоянии определять её целенаправленное развитие» (с. 185). «Природа и человек суть единое взаимозависимое и взаимодополняющее целое, и

«СТРАТЕГИЯ человека» должна быть лишь составной частью «СТРАТЕГИИ природы» (с. 196). Синонимом термина «ноосфера» является практически термин «коэволюция человека и биосферы». Без целенаправленного вмешательства коллективного разума человечеству «просто не выжить, не выйти из кризисов, сохранив себя как развивающийся биологический вид и свою цивилизацию» (с. 198).

Нравственный императив неизбежно вытекает из экологического. Ему ещё предстоит утвердиться в общественном сознании. Должны будут появиться и новые табу. Узловые проблемы современного гуманизма — подчинить свою индивидуальность определённой общественной необходимости: «Будущность человека, будущность всего биологического вида *Homo sapiens* в решающей степени зависит от того, насколько глубоко и полно мы окажемся в состоянии понять и усвоить содержание нравственного императива и меру способности человека следовать ему. Другими словами — подчинить свою индивидуальность определённой общественной необходимости».

«Человеку придётся принять совершенно иные парадигмы своего бытия. Должны быть изменены особенности его духовного мира: он должен осознать (понять) свою принадлежность... ко всему планетарному сообществу, почувствовать себя его членом и свою ответственность за его судьбу... Он должен научиться по-иному относиться к Природе, отказаться от опасной иллюзии главенства над ней и научиться однажды жить, следуя законам Природы [инвариантам движения материи, развития природы, биосферы и общества. — В. К.]. По существу, ощущение принадлежности к этим двум общностям — человека к планетарному сообществу и человека к биосфере — и есть основа нравственного императива. ...Я думаю, что основные принципы этой нравственности будущего уже давно открыты человеком. Это прежде всего принципы Нагорной Проповеди и спасения для всех. И не так уж много к ним остаётся добавить — представление об общепланетарной общности и взаимозависимости людей друг от друга, а следовательно, и ответственности каждого за общую судьбу, о взаимоотношении Природы и человека, осознания себя частью природы, а не противопоставления себя ей».

«Возникновение нравственности — может быть, даже и больше, чем просто перелом в истории антропогенеза, — повторяет Моисеев, — оно подобно возникновению жизни, подобно появлению Разума. Сознательное, т. е. утвердившееся в общественном сознании, принятие принципов нравственности как некоторого императива, как необходимых границ поведения членов человеческого общества изменило весь ход эволюционного процесса на нашей планете. Конечно, эти каноны нравственности никогда не оставались неизменными — они приспособлялись к потребностям общества, приобретали национальные, религиозные, наконец, и классовые особенности. Но только особенности, поскольку ядро — вечные Истины, которые потому и называются вечными и общечеловеческими, что сохраняются в течение многих тысячелетий».

«Коллективному Интеллекту общепланетарного масштаба... и предстоит реализовать эту грядущую перестройку. Если он окажется на это способен!»

Я думаю, что общепланетарный интеллект сможет выработать представления о том, какими могут быть новые состояния равновесия биосферы и общества, и сформировать систему ограничений и действий, выполнение которых необходимо для перехода человечества в режим коэволюции с биосферой.

«Нравственность, т. е. нравы и следование им (так же как и многие другие традиции), как раз и рождается как один из естественных ограничителей действия биосоциальных законов».

«...Я с большой долей сомнения говорю о программах культуры и нравственности, тем более, что одних нравственных начал, т. е. системы нравов, образцов поведения людей, будет ещё недостаточно. Мне кажется, что необходимы более глубокая моральная перестройка самого духа и смысла человеческой культуры, обретение нового смысла существования. Возможно ли это? И за ограниченное количество времени? И, несмотря на все сомнения, я говорю о том, что другого пути у нас просто нет!»

«Итак, я подвёл читателя к выборам пути в будущее... Без формирования новой нравственности у человечества не будет будущего. Но я совсем не убеждён, что надо изобретать какие-либо новые принципы взаимоотношения людей. Необходимое уже сказано — это принципы Нагорной проповеди... Но вот как добиться, чтобы эти принципы стали настоящим человеческим *alter ego*, и есть главный вопрос. И для его решения формирования нравственных принципов недостаточно! Мы переходим в сферу морали — понятия более тонкого, чем нравственность, связанного не только с системой нравов, но и с духовным миром человека, его ориентацией на внутренние ценности. Так от вопросов экологии, технологии, политологии мы неизбежно должны перейти к обсуждению проблем эволюции внутреннего мира человека. Найти способы такого воздействия на него, чтобы внутренний духовный мир человека превратился в его основную ценность. Вот здесь, как я в этом убеждён, и лежит ключ к самому главному — сохранению вида *Homo sapiens* на планете» (с. 353).

Гармония, симметрия и законы сохранения, действующие в гуманитарной сфере.

Человечество, как и всё на свете, — и в своей материальной оболочке, и в своих духовных проявлениях, — находится в состоянии постоянного развития, обновления и изменения. Но у любых преобразований имеются свои инварианты и сохраняющиеся структуры. Такими инвариантами, действующими в Природе, являются физические «законы сохранения». Имеются специфические инварианты развития и в гуманитарной сфере. Такими инвариантами являются, например, законы эволюции, о которых шла речь в предыдущих разделах.

«Всё течёт, всё изменяется», — сказал античный мудрец. Это верно. Но неизменным остаётся закон, формулирующий само свойство непрерывного движения и изменения материи. Законами сохранения, действующими в гуманитарной сфере, являются утверждения: «Человек — творец своей культуры и одновременно её продукт», «Искусство является самосознанием культуры» (М. С. Каган), «Биоморфологическое совершенствование человека практически прекратилось после ледникового периода и перешло в сферу общественных отношений», «Для сохранения биологического вида *Homo sapiens* необходима коэволюция Человека и земной биосферы», «Всё живое проходит свои циклы развития: рождается, взрослеет, старится и умирает», «Естественный язык представляет собой относительно медленно изменяющуюся структуру» и многие другие.

Разумеется, гуманитарные законы не являются такими жёсткими, как физические; они зачастую проявляются лишь как тенденции на фоне разнообразных реализаций. Тем не менее, и они представляют собой инварианты соответствующих нежестких преобразований симметрии.

«Соразмерность (*simetria*), ответственность свойственна уму человеческому», — писал А. С. Пушкин Вяземскому (см. Полное собрание сочинений, т. XI, с. 304). И это является лучшим определением понятия симметрии, как и определение, данное математиком Г. Вейлем: «Симметрия есть свойство сохранения при изменениях». Группу симметрии в математическом смысле составляет набор преобразований, сохраняющих фиксированную структуру системы. Симметрия позволяет установить инварианты преобразований. И наоборот: для имеющихся инвариантов (сохраняющихся величин, мировых констант, инвариантов эволюции и т. д.) можно подобрать соответствующие группы сохраняющих преобразований. Симметрия есть единство сохранения и изменения.

Гармония есть соответствие. И в этом своём качестве она включает симметрию как важнейший свой компонент. Требование коэволюции человека и биосферы, обеспечивающее человечеству стабильное существование, есть требование гармонизации. Соответствие планов содержания и планов выражения есть свойство гармонии семиотических систем, каковыми являются произведения искусства.

Свойства обобщённой симметрии произведений искусства можно сформулировать как требования сохранения их смысла при допустимых преобразованиях их языка. Прин-

цип варьированного повторения или переплетения тем произведений музыкального или поэтического искусства выражает свойства их обобщённой (цветной) симметрии, если соответствующие преобразования, сохраняя основной смысл высказывания или образа, лишь нюансируют его окраску. Такими преобразованиями симметрии являются, например, преобразования перевода обыденных, научных или художественных текстов с одного языка на другой.

Другой пример. Представим себе, что мы находимся в художественном музее. Переходя от полотна к полотну, мы наблюдаем вариации смыслов, сюжетов, композиции и техники выполнения картин. Но в рамках фиксированных художественных эпох, направлений и школ стиль, характерный для этих живописных произведений сохраняется инвариантным, как и господствующее художественное мировоззрение в данную эпоху.

Ещё один пример. А.С. Пушкин был мастером симметрических композиций. Его «Стихи, написанные ночью во время бессонницы» (1830), заканчивались двумя строчками:

Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу.

Поэт Жуковский, разбиравший черновики Пушкина, опубликовал эти стихи в видоизменённом варианте.

Я понять тебя хочу,
Тёмный твой язык учу.

Вариант Пушкина имеет звуковые (ямб, рифма) и смысловые (синонимические) инварианты. Выражения «хотеть понять» и «смысл искать» представляют перефразировку друг друга и различаются лишь нюансами, как и в варианте Жуковского: «понять хочу» — «язык учу»; различие лишь в том, что первое высказывание формулирует желание, а второе — его реализацию. Недостаток места заставляет нас закончить заметку на этом примере, рассмотренном Ю. М. Лотманом, который считал, что все случаи изо-, гомо- и гомеоморфизмов представляют собой метафоры: «Они в целом создают аппарат описания широкой области аналогий и эквивалентностей, позволяя сближать, а в определённых отношениях отождествлять, по-видимому, отдалённые явления и объекты».

Обо всём сказанном в этом разделе можно подробнее прочесть в работах [3–5]. Я же завершу свою работу словами моего учителя академика А. В. Шубникова, который ещё в 1927 году отмечал, что людям искусства «ненавистны слова: закон, порядок, симметрия, геометрия; они больше любят слова: гармония, красота, стиль, ритм, единство, хотя смысл этих последних слов едва ли чем существенным отличается от смысла первых. Но дело, конечно, не в словах; суть неприязни искусства к науке лежит в убеждении, что до конца раскрытый закон вносит будни в поэзию. Может быть, отчасти это и так, но, вернее, что это совсем не так: наслаждаться искусством может только тот, кто подготовлен ощущать, и, по возможности, понимать его законы».

Я приношу извинения читателям за обширные выдержки из работ [1–3]. Мне представляется, что они имеют отношение к делу, осуществляя переключку соответствующих текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альберт Швейцер. Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 573 с.
2. Никита Моисеев. Расставание с простотой. М.: АГРАФ, 1998. 474 с.
3. А. В. Шубников, В. А. Копцик. Симметрия в науке и искусстве. М.: Наука, 1972. 340 с.
4. Л. Г. Бергер. Эпистемология искусства. Художественное творчество как познание. М.: Русский мир, 1997.
5. В. А. Копцик. Синергетика искусства: системно-симметрологический подход // Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс-Традиция, 1999, с. 155–185.